

Элвара МИЛИТОНЯН
Из книги «История Древнего мира»

Понски

Диоген
Зажг свой фонарь
И днём с огнём
Искал человека –
И не находил.
Человек
Зажг фонари,
Зажг неоновый свет
И днём с огнём
Ищет Диогена –
И не находит.

Ахиллес и черепаха

Легконогий Ахилл был стремительней черепахи.
Когда он промчался мимо,
Только пятку его увидела черепаха –
И притихла в мрачном предчувствии.
Сжалась она под панцирем
И возблагодарила бога
За твёрдую эту броню.
Не ведала черепаха,
Что дышится туда же,
Куда и Ахилл проворный,
Не отставая,
Не отставая.

Александр Македонский

На берегу Индийского океана
Заплакал Александр Македонский:
Он перед собой не видел земли,
Которую можно завоевать.
Ведь воду не завоеешь,
Вода утекает сквозь пальцы,
Сквозь мысли – как сквозь решето.
И вскоре сошёл он в могилу,
А нам отправил конверт
С тяжёлой сурзучной печатью,
Который мы вскрыть не можем
В течение стольких веков.
И плачем так же, как он,
Плачем его слезами.

Голос Цицерона

Ничто заглушить не может
Голоса Цицерона.
Ему затыкают рот,
Прячут его в лабиринты,
Его зарывают в песок,
Его швыряют в могилу
Из радиоактивных отходов –
И никакого толку!
Мы слышим голос его
Из глубин истории:
– О, времена,
О, нравы!
И – о, люди!

Перевёл А. Налбандян

Акюн МОВСЕС

Три горланки

Я видел трёх горлинок, мама,
летали, не ведая бед;
одна была ночи темнее,
другая – как ясный рассвет.
Одна заглянула в глаза мне
и плачет – да что же с ней?
– другая крыла простёрла,
завернула нежней.

Три горланки мне приснились,
я видел их, трёх подруг:
одна – словно север белый,
другая похожа на юг.
Одна из них пела, мама,
присев на кровли села,
другая в полях парила,
раскidyвая крыла.

Я видел трёх горлинок, мама,
трёх горлиц видел во сне,
одна надо мною кружила,
и пела другая мне.
Одна пропала, как песня,
другую – как сблели влёт;
лишь третья со мной осталась –
молчит, воркует, поёт.

Ах, мама, она спустилась,
она на груди у меня –
как месяц в глухую полночь,
как солнышко среди дня.
И днём со мною в дороге,
и в ночь со мной – на поеле,
поскольку нет её, не было
и не будет вовек.

Есть миг, и никто не причастен к нему:
вдруг уединённо заплачут свирели,
и неумолчно влетят во тьму
Двенадцати скорбь, безутешные трели.

Развернется бездна предвещем бед,
как по мановенью волшебного жезла,
и суша исчезнет в пучине воды,
как если бы рана, всосавшись, исчезла.

Поймите, ей больше не хочется быть,
являть нам свой норов свирный и милость,
а хочет она бытие – прекратить,
дабы что ни есть – всё в ничто превратилось.

Веселеное око в тот миг соберёт
лучи, что везде и повсюду сияли,
нет, не распахнётся, но наоборот –
замкнётся, закроется, словно в начале.

И в воздухе высей, пустом изнутри,
не станет ни слова, ни света, ни сини,
и – зеркала вдребезги (бей, не робей!),
и ты прикоснёшься, что ни говори,
к навски раскрывшейся первоприниче
щемящих мучительных слёз и скорбей.

В мои долины изумрудные вступили
верблюды, лошади, ослы в налётах пыли.

Искусный кормчий возглавляет караван;
знаком ли бархатный свирели голос вам?
В его устах – янтарь посулов, притчей, бляей;
кинжал на поясе, в руках охапка липий.

Он, кажется, во сне со мною говорил.
Узнал! Конечно же, архангел Гавриил!

Откуда движетесь, пространство раскроя?
Что привезли нам в наши дивные края?

Какие пальцы набивали ваши ситцы?
Кем будут шали привезённые носиться
и кто, накинув их на плечи, ощутит
прощальных дальних поцелуев страсть и стыжь?

– Эй, сёстры, раскрывайте шире двери!
Не плачьте! Пойте весело, как пери!
Какие жемчуга, возьмите! И кораллы!
А эти бусы для тебя он подобрал.

Куните зеркало – поищите иль поуже, –
глядясь в которое, мы видим наши души.

– Сестра, вот роза! Отчего молчишь в тоске?
Она так смотрится на девичьем виске!

Перевёл Г. Кубатьян

Баграт АЛЕКЯН

Птица тоски

Лилил, Лилил!
Ностальгии невеста.
Непорочна, светла,
как печальная Веста.
Ты – часовня из грёз
в моих взоров тумане,
ты – желания дрожь
в моих слёз океане.
Россыпь дивных камней
в тёмной зыби зрачков,
шёпот музыки нежной
в моих песнях без слов.
Ветра влажного трепет
что безумьем горит.
Ты – божественный лепет,
Лилил, Лилил!

Время немоты

Немота: живи, умирай
в одиночестве... Смысла нет.
Сколько было рабов пера,
горе-пленников, – где их след?

Букв написанных немота.
Смолк священных писаний глас.
Перелистывают ветра
лишь неистовство твоих глас.

Так наполни, опустоши

разум творческий – свой, ничей –
в тесной келье немой души,
солнцем залитой... без лучей.

Дуэт

Крики тихих шагов, ложных слов букет,
блеск помады – а губы большие;
по рожденья и смерти вечный дуэт
в ночь крадутся шёпоты злые.
Залпыхавшись, земной объхвати порог,
в осень вылей своё вдохновенье
и вступи, наконец, в лабиринт дорог,
в безграничность ища направленье.
Чтобы после наперекор судьбе
грёза вновь обрела бы силу
и дуэтом рожденья и смерти в тебе
всё непрожитое заговорило.

Я жажду так тебя,

как пьян любовь друге.
Так о тебе грущу,
другую – как сблели влёт;
лишь третья со мной осталась –
молчит, воркует, поёт.
Я как тебя люблю,
как грезят лишь другие.

Перевела Е. Широкова-Тамбовцева

Гатик ДАВТЯН

Когда? Почему? Как?

А тебе ведь так и не удалось
ответить меня, за руку взяв, туда,
где гнездятся ответы
на мои пустые,
плоские
и глупые вопросы...

Если б ты хоть миг
слушала меня молча и всерьёз,
то могла б подумать, что ответить мне
просто невозможно;
между тем, вся сложность –
подыскать вопрос,
ты уж мне поверь,
правильный вопрос подобрать немудимо,
тяжело,
безвыходно...

И я не хочу тебя слушать –
когда же?
И я не хочу узнавать –
почему?
И я не хочу тебя спрашивать –
как?
Ты как умудрилась войти в мою жизнь,
что я не проведаль?
Как чудо благоуханья, дрожащего у земли в груди?
Как таинство многоцветья, звучащего у земли
в груди?

Словноцветеньевпючках,готовоепробудиться?
Словнослезинка,вдруграсцветающаянаресничках?
Словнопечать,чтооставилиднинатвоёмчеле?
Словнотеплоисвет,чтовдревесномживутом
стволе?

Словно в чаще волос твоих, у самых корней
Белизна, поджидаящая в засаде?
Словно пыль печали, что лилнет к твоей ульбке,
оседая тяжестью всей на ней?
Как невидимый пар, что над грустью клубится
пенной?
Словно боли туман, что мне всасывается в вены?
Или, как в пещерах забвенья,
Память, вспыхнувшая на мгновенье?

Ах, я не узнал – ты во мне была?
Или в жизнь мою так войти смогла,
чтобы я не знал?
И не жажду знать,
слышишь, боль моя,
ты не отвечай,
у меня забрать так себя сумеи,
чтобы я не знал,
чтоб тебе не стать невозвратимой потерей,
также мне, не вынести...

Судопроизводство

В Древней Элладе
был жуткий судебный обычай:
обыкновенные слушали свой приговор,
стоя в лодке...

Страна моя,
суди без снисхожденья и оправданья,
но только избавь от подобного наказания,
Сочтёшь достойным –
казни на плахе меня, в петле,
но пусть меня моей предадут земле,
Нет в целом мире кары страшной такой –
быть недостойным в родной земле обрести
покой...

Перевёл А. Татевосян

Генрих ЭДОЯН

Между рожденьями и смертями

(Листая Книгу Жизни): половина
людей умрёт от голода, другая
умрёт, съев слишком много, между ними нет

каких-то сходных черт, помимо смерти.
Лишь единицы, словно мотыльки,
вспорхнут с земли, получат голубые
филалковые крылья, полетят
в лазурное и розовое небо,
перелетая от звезды к звезде,
и будут вместе (пока сильный свет
не скроет их). В то время как внизу
кружиться будет так же мир рожденья,
туда-сюда, пока две половины,
всё больше отдаляясь друг от друга,
так разойдётся, что совьются
с той стороны, в миру смерти, где нет
ни адвокатов, ни врачей (и прочих),
где шёпот лишь богов и тишина
между рожденьями и смертями.

Искушение

Тусклый зелёный свет,
заливающий сном тротуар
и прохожих в себя погружённые лица,
проходит сквозь воздух, сплавляет друг с другом
фонарей потускневшие взгляды
в едином виденье,
нисходит на мятое платье женщины,
которая жаждет плеча, чтобы ей опереться,
руки, что её
уведёт из кафе и проведет домой,
где она превратится
в тусклый зелёный свет,
заливающий сном тротуар
и млеющихся по границе дней
во мраке тropy.

Почему бы и нет, если можно уснуть?
Дети счастливы, потому что
Пока ещё смерти не знают.

Старцы счастливы, потому что
они уже знают смерть.

Ангелы в небе своем счастливы, потому что
у них нет ни жизни, ни смерти.

И человек, приходивший от неведомого истока
счастливым был,
потому что и жизнь он имел,
и смерть.

Но остаётся тем же

В кофее по утрам и вечерам
всё те же люди сидят.
Сызарета та же
пускает струйками дым бесконечно, но не
кончается в тех же пальцах. Слова звучат
повторно, но в новом звучании. Мысли те же,
но их структуры различны.
Скопившаяся печаль ищет новый выход,
становится обыкновенным случайным словом
и лопается, как шарик. Время незримо
стирает столов
молчаливые тени и лиц неочерченных
знаки вопроса. Усилия те же,
но отклик различен,
так – утро, день, вечер, – и слово
извечно движется и не движется тоже,

вращается мир, но день остаётся тем же,
карманы набив надеждой и ожиданьем,
а там покрывают морщины смерти лицо.

Подзорная труба богов

Боги дали тебе трубу подзорную,
чтоб на звезды смотрел. На мимо
прлетающие планеты, на космические
объекты,
ну, а ты направил её
на окно напротив полуоткрытое
(в небе волосы Вероники),
на деревья, улицы суету,
фонари,
ты её направил под ноги, в землю
из которой букашки летут огромные,
разрастаются, поднимаются,
накрывают всё своей тенью
(в небе волосы Вероники)
и проглатывают тебя.

Перевёл А. Татевосян

Ованес ГРИГОРЯН

Однажды

Худо приходится карманникам, домушникам,
мелким и средним жуликам и аферистам
в тех странах, где утверждаются
рыночные отношения:
соспательные люди ездят в автомобилях
в сопровождении телохранителей
и никому не дают возможности
протиснуться к своим карманам;
к их домам охранные и вовсе опасно:
вооружённая охрана так и зыкает по сторонам.
А у других людей пусто и в домах, и в карманах...
Единственный выход –
участвовать в митингах и демонстрациях,
которые, к счастью, участились в последнее время
и, как правило, завершаются разгромом
ларьков и магазинов.
Но и здесь таится опасность:
нужно иметь железное здоровье,
чтобы часами торчать в зной или стужу,
под снегом или дождем, крича во всю глотку
"Долой!" или "Да здравствует!"...
Самое ужасное – речи, что приходится слушать.
Они длятся часами, они не кончатся,
и от этой нудятины, от этой безысходности

Я стану небом, небо станет мною,
Меня в себе развеяв навседа.

Весенние дожди

Дождь раскинул летящие сети
И умчался в расветный дымок.
Что за музыка – слы на рассвете!
Поздно встал я и вспомнил, что мол.

Бережливый туман под полою
Сил и замыслов копил запас.
Рядом с будущим дышит былое,
Их согласие бесценно для нас.

Почва влажная в мягком тумане,
Словно женщина, изнемогла,
Вся – взбухавшие семяна,
Вся – вздымные
Чуткой плоти, живого тепла.

Мир текуч, – и с дождями косыми
Из ещё не наставшего дня
Миг за мигом, за именем имя,
Жизнь за жизнью плывут на меня.

Мозаика нежных мерцающих грёз
Осыпалась – и погребла города.
Бесмысленным крошечком ветер занёс
Хранилища памяти. Нет и следа!

Пространств опустелых слепит белизна,
С тоской обернись и былое запри.
Там спит позабытая маска одна –
Внутри, в лабиринтах неспешной зари.

Потерянный голос наощути найди.
Шершава ладошь, осторожна стопа.
Сосуд опрокинутой – сердце в груди,
Любовь, точно каменный идол, слепа.

Судьба забродила, как тесто, и вот
Терзает загадкой, угрозой, игрой –
Близка, оцутима, как вступенный ход
Расплавленных масс под земною корою.

Тоску и надежду познать мне дано,
И нелюбе меж них несогласья, вражды.
Я здесь, я с простором ночным задно,
Блуждаю часами под сенью звезды.

Мы Голос услышим над вечностью сна –
Ончётся душа, встрепенётся в ответ,
И станем она мирозданию равна,
Увидев самой запредельности свет.

День осященья винограда
Близок миг, что издревле свят.
День осенний встанет высок,
В сердце радость свежа, светла,
Как лозы благозрелый сок.

Совершается ритуал.
Я взволнован, я сам не свой.
Пляшут женщины и поют,
Руки вскидывая над собой.

Праздник, праздник в любом селе!
Весел луч, проскоквиший гробов.
Кто ты? Ночи тайная дочь,
Я – избраницик твой, тайный гость.

Дру! любовь, как вино, разлей,
Хорошо ей в объятьях чаши!
Я из чаши веской моей
Пуп земли орошу сейчас!

Перевёл В. Пальчиков

Гукас СИРУНЯН

Когда ждуг тебя

Когда ждуг тебя,
Время похоже на реку,
В которой нет воды.

Когда ждуг тебя,
на стуле растуи шипы,
В моей обуви гвозди торчат.
Когда ждуг тебя,
Жизнь пустынина,
Словно до дней сотворенья.

Когда ждуг тебя,
Я в озно превращаюсь и в воду,
Превращаюся в дыханье бесплотное,
Что мечтает о глине, о плоти.

Когда ждуг тебя,
Дверь открывается, лёться в кувшины вино,
Гамак растягивается, словно сеть.

Когда ждуг тебя,
Уже в котормый раз ко мне приходит другая,
Другая сгорает в огне поцелуев моих.
Но той, что уходит ранним холодным утром,
Незаметно и молча, всегда бываешь ты...

Несчастные

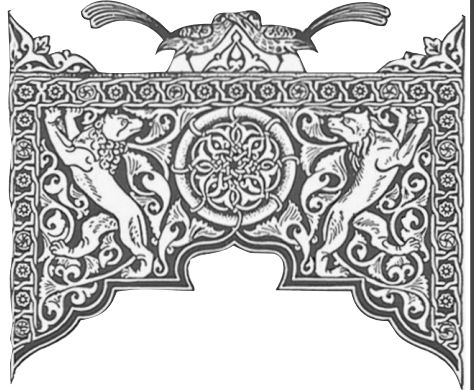
В наш город приехал волшебник,
Он выстроил всех несчастных
И с помощью колдовства унёс их в прошлое,
Туда, где никто из них
Ещё не совершил роковой ошибки...
Они с этой точки вранули вперед и прошли
по тем же дорогам, совершили все те же
проступки,
Дошли до волшебника, мимоходом его
заполтали,
И вдаль умчались. Вдаль умчались. Вдаль...

Жизна-была на свете лампа

Жизла была на свете Лампа,
Она всю ночь горела напролёт,
А утром люди, завершив дела,
Ушли, её зажённого оставив.
Горела Лампа в ярком свете солнца,
Горела тускло,
Словно увядшая женщина,
И всё старалась, чтоб её заметили.
Но даже комары к ней не подлетали.
– Ну вот, – промолвил мрак, –
В этом мире людском
Избыточен даже свет,
Если его не ждуг.

Пена

Она рождается от сильного течения,
Она всегда наверху и сверкает, как жемчуг.
Мы её называем ничтожеством и пузырьём,
Не ставим её ни во что
И считаем родною сестрой
Самодовольства и чванства.
А когда нам приходится туго –

Мы тянемся к ней, хотим за неё ухватиться,
Но она нам не помогает.

Перевёл Г. Баренц

Варлен АЛЕКСАНИАН

Эпическая тоска

Убил ты этот день, старик, бессмысленно в кафе,
меж тем закат на склоне горном сеет
свой новый цветок,
сам тем в маленьком ручье
головастик сейчас делает
последние упражнения, чтоб стать лягушкой,
меж тем потоп
смывает следы неворождённых янят
на каменистой дорожке к часовне Святого Ованеса,
меж тем горы на сотни лавов
переказывают отголоски их блеванья
спарещоим, тоскующим поэтам,
что убивают день бессмысленно в кафе...

Волебуная сказка,
непостижимый сон,
для любви не нужно ни слов, ни уменья –
день сеет сам хрустальные капли росы
на лугах, в ущельях, на косогорах,
сам следит, сколько цветов раскрылось,
сколько взойло ячменя на волнующейся ниве;
это легенда: нет и никогда не было
того неба, которое видел во сне
старый мечтатель, уснувший в кафе,
шум похмелья доносит до слуха его
трели чужих, незнакомых птиц
и хохот стропыльчихи румчье.

Кто наложил табу на стихийные игры,
кто прервал поток стихий навсегда,
превратил рассвет в начало нулевого дня,
а вечер – в окончание дня прожитого,
в безвозвратно ушедший мираж,
недостойный памяти,
без проблемка жизни,
без тайных ожиданий,
без трепета расставаний и встреч –
время пустых поэтических ухищрений,
водворот бессмысленных переживаний –
без всплеска и недодования?

Узкая тропя возвращенья
слишком извилиста;
она превратилась в след едва различимого облака:
Где та девушка, где та игра, тот всплеск,
и кто придумал навсёвозь живное виденье будущего?
И кто, старик, перед закатом
в этой беспечальной стране
к вину твоему подмешивает облака,
и к хлебу твоему – слезу?
Зря машет рукой из глубы кошмара
призраком молодой, из тумана воскресший –
кто под кустиками прячет жгучее воспоминанье,
чья тень скользит по склону гор?..

Умер день, старик,
умер этот день бессмысленно в кафе...

Мне показалось

Кто этой ночью позвал меня?
До меня докатился лишь отголосок –
каркашем ворона, что над городом кружит.

Откуда ворон
в этом пекле, в кипении летнем воздухе этом?
В этом городе возможны
попрышайки,
убийцы,
предавшие тех, кто делил с ними хлеб-соль,
кинувшие и сбегавшие,
творящие зло и продавшие,
англокрылые и прочувствующие спасители,
навсегда уезжающие родственники,
обещавшие когда-нибудь вернуться,
своры бродячих собак,
которые однажды непременно
растерзают какою-нибудь запоздалого прохожего,
сознание с улиц на рынок торговцев,
невольные любовители лота и нард,
в общей сложности
примерно тридцать сословий –
родом из бывшего
рабоче-крестьянско-интеллигентского конгломерата,
что никогда больше не пойдут
молиться в Божий храм,
потому что всё равно
в сложном хаосе
даже Он не в состоянии различить голоса.

Мне показалося.
Никто не знал меня,
ни у кого нет времени для этого,
тем более в эту ночь,
когда город, кипищий в огне, точно в собственном
масле,
тишится уснуть
в постоянных мечтах
о беззаботном утреннем пробуждении.

Видимо,
каркашем ворона я придумал,
видимо,
мне очень хотелось,
чтобы кто-то меня окликнул –
и тем самым спас от забвенья –
хотя бы ворон,
хотя бы сова...

Перевела К. Лазарева

